

Г. СИМОН

Мертвый хватает живого. Основы политической культуры России

Крушение коммунистических режимов в Восточной Европе и распад мировой державы — Советского Союза — положили конец противостоянию между Востоком и Западом, поскольку один из «актеров» сошел с политической арены. С этим связывались ожидания, что показавшая свое превосходство западная политическая и экономическая система рано или поздно укрепитя повсюду.

Среди западных политиков и ученых сейчас принято говорить о «реформирующихся государствах Восточной Европы». Тем самым подразумевается, что бывшие коммунистические государства находятся на пути к системе власти и жизненным условиям, похожим на те, которые существуют в Западной Европе. Кажется, вовсе не долг путь к конвергенции, причем не в смысле слияния двух систем где-то посередине, между капитализмом и коммунизмом, а в смысле перехода на сторону капитализма, усовершенствованного в либеральном и демократическом отношении. На смену старым иллюзиям пришли новые.

Запад оказался полон ожиданий, что посткоммунистические государства и общества будут вести себя так же, как и западноевропейские. А если они поступают иначе, это расценивается как отклонение, возврат к коммунизму или же как неблагодарность. На самом деле многообразие Европы, не ограничивающееся обилием языков и социальных законодательств, а уходящее в глубины политической ментальности, стало благодаря включению в него посткоммунистических государств еще более пестрым и непредсказуемым. Современная Россия оказалась в резко изменившемся положении по сравнению с советской. Крушение советского порядка вынуждает Россию при поисках ориентации на будущее оглядываться назад, в прошлое. Тем самым на передний план вновь выступает центральная, по меньшей мере со времен Петра I, тема российской истории: отношение России и Европы. Является ли Россия интегральной частью Европы? Или, может быть, Россия находится на краю Европы и лишь с оговорками, условно принадлежит к сообществу европейских государств? Может быть, геополитический центр тяжести России расположен, скорее, в Азии? Может ли и желает ли Россия строить свою политическую систему и свою экономическую организацию в посткоммунистический период по староевропейскому или американскому образцу? Идет ли речь о том, что Россия желает и должна устранить свою отсталость от Европы, догоняя ее? Или, наоборот, Россия в поисках путей выхода из сегодняшнего государственного, общественного и экономического кризиса мобилизует свои силы и почерпнет мотивацию из своей собственной традиции?

Симон Герхард — ведущий сотрудник Федерального института восточноевропейских и международных исследований, профессор восточноевропейской истории Кельнского университета.

Россия сталкивается не только с кризисными симптомами в экономике и обществе. После прекращения существования Советского Союза возник вопрос о самосознании, и он ставится с такой же остротой, как и в период Смутного времени в начале XVII столетия или же в 1917 году. В обеих фазах крушения государства и общества Россия встала на путь выхода из кризиса, дистанцировавшись от Европы. Страна мобилизовала свои собственные, специфические ресурсы, при этом не только восстановила свое былое могущество внутри и вовне, но после определенного переходного периода также значительно расширила его пространство. В 1917 году революционеры по-своему решили вопрос о России и Европе: сняли его с повестки дня. Для них, опьяненных уверенностью в победе, речь шла не о том, должна ли Россия сближаться с Европой и догонять ее, а лишь об одном: теперь Россия, будучи «родиной социализма», стала центром мировой истории, к которому и предстояло приблизиться всем остальным. Этот революционный блеф, игравший важную роль для укрепления русского самосознания, вплоть до 1980-х годов был определяющим в средствах массовой информации и в системе образования СССР.

Для государств, расположенных в широком географическом поясе между Германией и Россией, вопрос о самопонимании не стоит столь остро, как для России. Они считают себя принадлежащими к Европе вне всякой зависимости от того, как относится к этому общественность старой Европы. Нации Восточной и Центральной Европы определяют свою индивидуальность в рамках европейского контекста и считают свою историю частью общеевропейского наследия. Это же распространяется и на прибалтийские государства, которые принадлежали к Российской Империи лишь с XVII, частично с конца XVIII столетия и пережили между двумя мировыми войнами короткий период государственной независимости. Россия же представляет по своей собственной, а также по сторонней оценке другой, особый случай; ее нельзя ни причислить к Европе, ни противопоставить Европе. В ней сложилась своеобразная политическая культура, отличающаяся в важнейших чертах от староевропейской. После крушения коммунистического режима в конце 1980-х годов с каждым годом становилось очевиднее, что преодоление кризиса, построение нового, порядка и поиски своего места в значительной степени будут определяться самобытной традицией, коллективной ментальностью и исторической памятью российского общества¹.

Центр власти

Самодержавие, т. е. формирование сильного центра, стоящего вне политической борьбы и считающегося неприкосновенным, является главной характерной особенностью политической культуры Московского государства, возникшего в конце средних веков. Это принципиально отличало Московское государство от его соседей на Западе и Востоке, а также от Киевской Руси. Формирование центра, стоящего над обществом и вне общества и политики, было одновременно заслугой и бременем Московского государства. Московское самодержавие возникло задолго до староевропейского абсолютизма, который Петр I позднее соединил с московским наследием.

Следует отметить два момента.

1. Московское государство, построенное вокруг центра самодержавия, было исключительно эффективным. Ни литовцам, ни полякам, ни украинцам, ни татаро-монголам или позднее Османской империи не удалось построить стабильное государство на северо-восточных просторах Европы. По всей вероятности,

¹ Тема политической культуры стала особенно актуальной после крушения коммунистического режима, см., например [1—4]. Западная историография России и раньше уделяла немало внимания тематике политической культуры, порой употребляя, а порой и не употребляя этот термин, см., например [5—7]. Концепция политической культуры России применялась западными политологами и в советское время, хотя она играла, скорее, второстепенную роль в советологии, см., например [8 9]. Большие заслуги в развитии концепции политической культуры России, хотя и без употребления этого термина, принадлежат культурологу А. Ахизеру [10].

политическое устройство с сильным перевесом верхушки власти и, соответственно, со слабыми промежуточными звеньями власти более всего подходило к естественноприродным, социально-экономическим, а также духовным условиям России.

Московское государство, формирование которого началось после 1300 года, было самобытным новообразованием. Его происхождение не может быть выведено ни из византийской, ни из киевской традиции. Не произошло никакой *translatio imperii* (передачи власти), как в Каролингской империи. Византийская традиция не сформировала Московское царство ни в политическом, ни в идеологическом отношении. Теория «Москва—Третий Рим» — всего лишь миф XIX столетия, опрокинутый в средневековье славянофилами и западниками. Московское государство не считало себя и продолжателем Киевского государства, погибшего в результате татаро-монгольского нашествия. Гипотеза о преемстве появилась в имперском русском самопредставлении начиная с XVIII века, она была без всяких ограничений перенята Западом. «Собиратели Земли русской» в XIV и XV веках не стремились к восстановлению Киевской Руси — они создали новое государство². В этом отношении повсеместное подчеркивание в современной России самобытности русского пути (при котором, правда, высказывается претензия на преемство от Киева) исторически оправдано.

2. Коллапс политического центра каждый раз влек за собой распад в обществе и прежде всего крушение государства. Это происходило и в начале XVII века после вымирания правящей династии Рюриковичей, и в 1917 году (и в 1991 году?). Предпосылкой для преодоления государственного кризиса было восстановление центра власти. В 1613 году это было достигнуто путем избрания Михаила, первого царя из династии Романовых, в 1921 году в результате победы В. Ленина в гражданской войне, а в сентябре/октябре 1993 года в результате государственного переворота, посредством которого Б. Ельцин ликвидировал Советы.

Без однозначного определения места верхов (и низов) Российское государство оказывалось нефункционирующим, а российское общество — неуправляемым. Политическая система в России никогда не была способна интегрировать силы, конкурировавшие в борьбе за право на господствующее положение наверху, будь то конкуренция между царем и боярской думой в начале XVII века, между большевиками и всеми остальными после 1917 года или же между демократически легитимизированным президентом и Советами после 1991 года. Многие свидетельствуют в пользу того, что сильная власть президента — устройство, подходящее для России. Реализация разделения властей, напротив, наталкивается на значительное сопротивление. Воплощение в жизнь разделения власти потребует длительного времени, при этом неизбежны неудачи.

Одной из предпосылок для консолидации сильного центра власти являлось однозначное регулирование преемства князей, а впоследствии царей. Выдающейся заслугой московских князей было устранение распространенного в Киеве, как и в восточнославянских княжествах вообще, принципа старейшинства, согласно которому обладатель власти не одно лицо, а княжеский клан. На основании коллективистского принципа старейшинства, по которому, например, четвертый сын наследователя и старший сын его первого сына — обладатели одинакового старейшинства, невозможно было построить стабильного государства. Сочетая целеустремленность и осторожность, избегая слишком «революционных» акций, при благоприятствии фортуны (личное долгожительство) московским князьям удалось на протяжении XIV и XV столетий отменить раздел княжеского наследства и добиться введения примогенитуры (первопреемства). Эта норма наследования, принятая также во многих династиях Западной Европы и дополненная в XVIII веке женским престолонаследованием, была главным обоснованием

² К отрицанию гипотезы о *translatio imperii* см. [11]. Об отсутствии преемственности между Киевским и Московским государством см. [12]; о возникновении понятия «Москва—Третий Рим» в XIX веке см. [13].

легитимности правления вплоть до 1917 года. Попытка Петра I в своей рационалистической мании величия отменить династический принцип не имела последствий [14].

Большевистская диктатура, не называя вещи своими именами, исходила в своем понимании идеи *вождя* из самодержавной традиции. Все попытки установления «коллективного руководства», в особенности после смерти И. Сталина в 1953 году и после снятия Н. Хрущева в 1964 году, терпели поражение. Советская политическая система, исходя из своей внутренней логики, стремилась к утверждению на верхушке власти Человека № 1. Иначе она не могла адекватно функционировать. Но в отличие от царского самодержавия, советской системе не удалось установить легитимный порядок преемства. Это было одной из причин ее гибели. Сейчас Россия впервые предпринимает попытку урегулировать преемство в центре власти с помощью единственного инструмента, которым располагает демократия,— альтернативными выборами. Поэтому проведение президентских выборов после истечения срока избрания Б. Ельцина летом 1996 года — решающее мерило укоренения демократического сознания.

Политическая традиция требует наличия привлекающей взгляд верхушки пирамиды власти. Однако это вовсе не означает, что самодержец должен управлять сам. Наоборот, российская политическая система смогла выдержать и правителей, не способных или не желающих властвовать, как первый русский царь Михаил Романов, и генеральных секретарей ЦК КПСС, бывших физически не способными управлять (Брежнев в последние годы своей жизни). Основная черта политической культуры вовсе не ставилась из-за этого под сомнение. «Всемогущий, Богопомазанный царь» был «центральным мифом политической системы» [7, р. 147]. Иными словами, для ее успешного функционирования необходимо, чтобы он оставался незапятнанным и видимым отовсюду. Хотя царь имел возможность неограниченного правления, система не разрушалась и в том случае, если самодержец не осуществлял власть. Находилось достаточно честолюбцев, фаворитов, а также представителей корпоративных интересов, готовых править за кулисами. Не случайно с конца средних веков доступ к государю представлял собой главную цель в борьбе за реальное обладание властью. «Право на ухо» государя было подвергнуто лишь частичному институциональному регулированию, а со времен Петра I были к тому же устранены и всякие ограничения старейшинством или родством. Этим и объясняется извечный вопрос: «Кто управляет в России посредством и с помощью человека, стоящего наверху?».

Самодержец, его непосредственное окружение и в результате весь процесс принятия политических решений всегда окружены непроницаемой завесой таинственности и стремлением превращать все в тайну. Центральные процессы принятия решений в Московском государстве подлежали *негласности* [7, р. 145]. Ничего не известно о различных политических позициях и фракциях при московском дворе в XIV и XV веках, хотя они, несомненно, имели место. Правила игры в центре власти не просачивались наружу, не были они зафиксированы и в письменном виде. Игрокам (в ранний период княжеским и боярским кланам) эти правила были известны. От внешнего мира и от заграницы они скрывались за помпезным дворцовым церемониалом, демонстрировавшим всемогущество царя. Вплоть до середины 1980-х годов ни один видный коммунистический деятель не обнаруживал свой собственный политический облик, который чем-либо отличал его от генерального секретаря ЦК КПСС. Речи членов Политбюро похожи друг на друга. Изогранные кремленологи пытались обнаружить хотя бы минимальные различия. Главные политические решения принимались консенсусом, установленным генеральным секретарем. Действительные голосования в Политбюро — само собой разумеется, за закрытыми дверями — были исключением. Голосования во всех остальных органах советской системы являлись чистой формальностью.. Голоса против были недопустимы. Этот демонстрировавшийся вовне консенсус требовал строгой секретности внутри. Сте-

ны Кремля не стали более проницаемыми и после крушения коммунизма. Борьба за доступ к центру власти ожесточилась.

Приятие сильного, бесспорного центра власти внутри страны, как правило, позволяло московской политике проводить гибкую, прагматическую линию вовне. Ни «собрание Земли русской», ни начавшаяся с середины XVI века имперская экспансия за пределы восточнославянских областей не были плодом широкомаштабного мастерского плана или идеологии мирового господства. Невероятная экспансия Московского государства стала возможной благодаря сочетанию многих факторов: консолидации внутри; решимости воспользоваться предоставившейся возможностью при осторожной калькуляции риска; слабости соседей; прагматическому сочетанию продвижения вперед и отступления назад; приспособлению политической риторики к каждой отдельной ситуации (иными словами, изощренной дипломатии); отсутствию жестокого, подлежащего выполнению плана.

Туманные претензии на господство в мировом масштабе были сформулированы лишь большевистской революционной идеологией. Но даже такой успешный конкистадор революции, как Сталин, пользовался этими претензиями осторожно. Он избегал экспансии в страны «третьего мира», в которые впоследствии ринулись его преемники и тем самым перенапрягли силы государства. Российскую великодержавную риторику после распада Советского Союза следует воспринимать в ее историческом контексте: она приспособливается к условиям и калькулирует риск.

И, наконец, следует упомянуть еще одну черту русской политической культуры, тесно связанную с формированием самодержавия, — ярко выраженный централизм Московского государства. Государство было инструментом княжеского волеизъявления. По мере экспансии княжества рос и централизм, ибо московские государи ощущали постоянную угрозу сепаратизма присоединенных областей. Для обеспечения власти местный верхний слой в завоеванных княжествах нередко полностью или частично выселялся, заменялся боярами и служилыми людьми из Москвы. Поэтому аристократия в Московском государстве вплоть до Нового времени не смогла развить никакой местной идентичности, а характерный для многих государств Европы политический регионализм оставался в России совершенно незначительным. Централизм был дорогостоящим и тяжеловесным. Простая операция с земельным участком в какой-либо деревушке далеко на Севере нуждалась в конце XVI века в регистрации и разрешении в Москве. Поездка туда и обратно длилась почти год [7, p. 131].

Крайний централизм как гарантия от сепаратистских устремлений был одновременно и выражением структурного недостатка: отсутствия или полной неудовлетворительности провинциального управления. Именно потому, что в Москве всегда не хватало денежных средств, а также отсутствовало политическое понимание необходимости бюрократического охвата государства, централизм оставался наиболее дешевым, хотя и неэффективным путем скрепления государства. В 1900 году в Российской Империи количество чиновников составляло по отношению к населению лишь треть от доли чиновников во Франции и половину от их доли в Германии [15, p. 67].

Большевики после своего «собрания» России во время гражданской войны восстановили централизованное государство в значительно более жесткой форме. Государственно-правовым инструментом стал советский федерализм, а новой скрепой — КПСС. Старый, испытанный инструмент обмена кадрами между периферией и Центром успешно использовался на протяжении десятилетий. Правда, не удалось предотвратить формирования на периферии собственных элит, ставивших под сомнение централизм и централистское государство.

Если сильный центр власти — главная черта политической культуры, то возникает вопрос, как же смог произойти распад, вторично постигший Россию в этом столетии. Стабильность самодержавия основывалась на том, что оно не зависело от текущих политических событий. Ведь и государственный переворот

имел своей целью заменить самодержца другой личностью, а не устранить систему. Но из-за «надмирности» и принципиальной неприкосновенности государя существовала опасность изоляции и самоизоляции самодержавия. Императорский двор жил в последние десятилетия перед Первой мировой войной в той России, которой *не существовало* в действительности. Легкость, с которой Николай II отказался от престола в феврале 1917 года, еще раз продемонстрировала утрату им чувства реальности. Он, видимо, не смог осознать всей важности своего собственного шага. К этому моменту императорский дворец был так изолирован от государства и общества, что даже среди генералитета и высокопоставленных чиновников никто и пальцем не пошевелинул, чтобы спасти императора.

Похожая ситуация сложилась и в 1970-х годах, когда Политбюро ЦК КПСС все больше изолировало себя от действительности. Эта утрата чувства реальности проявлялась в пропагандистском самообмане о якобы постоянно растущем весе «социалистического лагеря» и о предстоящей гибели «загнивающего капитализма». Одряхлевшие генеральные секретари ЦК КПСС, правда, оставались вплоть до 1985 года неоспоримым центром власти — в этом смысле «то-тем» продолжал действовать, — но они утратили связь с обществом. И когда впоследствии, в ходе перестройки была предпринята попытка устранить опасность, это оказалось невозможным.

Ни перед 1917-м, ни перед 1991 годом не существовало никаких сильных политических движений, которые требовали бы отмены монархии или Политбюро. Революционеры и реформаторы выступали, скорее, за конституционную монархию, конституционное правление аппарата КПСС, т. е. за эволюционное устранение самодержавия и постепенный переход к плюралистским и либеральным формам господства. Реформ осуществить не удалось, поскольку этому противоречили устои политической культуры. Самодержавно структурированный центр власти скорее поддается *замене*, чем *ослаблению* (вождь большевиков вместо императора, президент вместо вождя). Таким образом, эволюционный потенциал развития политической системы в России был меньше, чем в большинстве регионов Европы. Это имело два последствия: во-первых, реформы, толчки к развитию, преобразования, как правило, исходили из центра власти и осуществлялись им, когда подготавливались снизу; во-вторых, реформы часто означали резкие переломы, демонстративный отказ, даже презрение к старому, склонность впасть из одной крайности в другую. Так, в частности британская и русская политические культуры могут служить примером противоположных стереотипов осуществления власти в Европе.

Сильное государство — слабое общество

Слаборазвитость среднего уровня власти и учреждений, расположенных между самодержцем и несущим тяготы крестьянским населением, являлась важной особенностью Московского государства. Это резко отличало его от западных и северных соседей. В то время как аристократия в польско-литовском государстве разрушила королевство, лишив в конечном итоге сама себя защиты, русскому дворянству только в конце XVIII века высочайшим указом Екатерины II было предоставлено право на самоорганизацию. Однако и это право вплоть до падения монархии распространялось лишь на местное самоуправление. Русские высшие слои участвовали в государственных делах благодаря службе в бюрократических учреждениях, а не на основании своих сословных прав и свобод. Это не означает, что княжеские и боярские кланы были безвластными. «Земля» в годы смуты была в состоянии самоорганизовываться и проводить земские соборы. Сословные корпорации, однако, из этого не выросли. Русским олигархам не хватало не власти, а *права*, которое гарантировало бы им самостоятельность по отношению к самодержцу. Великий князь «произвольно распоряжался любой жизнью и любым именем» — это определило особое, «ненормальное» по европейским стандартам направление общественного развития [16].

Основой и побудителем образования сословий в старой Европе был феодализм, который отсутствовал в России. Основанные на защите и доверии взаимные отношения между властителем и вассалом, при которых властитель предоставлял защиту, а вассал обещал хранить верность, противоречили духу московского самодержавия. Московские князь и царь, хотя и требовали подчинения и клятвы в верности, но сами никогда не давали никаких клятв своим подданным. Принцип *взаимности*, включавший в себя на Западе также и право *сопротивления*, не согласовывался с московским самодержавием, по представлениям которого господство исходило лишь из одного центра, поэтому и могущественные бояре оставались «холопами». Самодержавие не терпело никакой самоорганизации аристократии на основании собственного права, не допускало и автономии городов. О правовой и политической самостоятельности городов по отношению к князю в Московском государстве не могло быть и речи — но именно она и была в старой Европе предпосылкой цивилизаторских и культурных достижений городов. Изначальные попытки собственного, особого развития городов были задушены Иваном III, когда он заставил Великий Новгород «бить челом своему господину, великому князю». Победитель выселил из Новгорода всех крупнейших землевладельцев.

Конечно, одинаковая правовая зависимость подданных от государя вовсе не означала, что все подданные равны. Кроме того, уже и в допетровской России были зачатки «этикетского общества» (Г.-И. Торке). Но лишь просвещенный абсолютизм при Екатерине II создал во второй половине XVIII века основы для общественной самоорганизации (дворянство) и эмансипации (староверы). Крупные реформы 1860-х годов и революция 1905—1906 годов создали дополнительные предпосылки для формирования гражданского общества. Накануне краха в октябре 1917 года создалась противоречивая картина: несмотря на запоздалые, сложные стартовые условия, наблюдалось развитие удивительно многообразной общественной деятельности, будь то профессионально-корпоративные союзы, национальные движения, политические партии и широко разветвленная печать. В то же время независимая от государства активность была недостаточно закреплена институционально и слишком мало укоренилась в сознании, чтобы быть в состоянии противостоять насильственному возврату «этикетского общества».

Большевики добились успеха, потому что имели дело со слабо структурированным обществом, в котором большевистская партия после кровавой гражданской войны взяла на себя роль государственной власти. Глубоко укоренившаяся вера в государство и послушание государству способствовали этому. В отличие от царского, большевистское «самодержавие» развило изощренную теорию и всеохватывающие институциональные предписания, с тем чтобы держать общественную активность под контролем или запрещать ее. КПСС утвердилась как «направляющая сила» и «ядро» (ст. 6 Конституции СССР 1977 года) всех общественных организаций. Кроме того, тоталитарная система сумела создать механизмы *псевдоучастия*, которые производили впечатление, что общественные учреждения имеют право голоса в решении политических вопросов.

Несамостоятельность общества — также следствие того, что разделение власти и собственности началось очень поздно и не было завершено. Московское царство сформировалось как наследственное, родовое государство, как подобие громадного княжеского двора и хозяйства, в котором лишь один собственник: самодержец. В принципе, не было никакого отличия между владениями государя, государства и подданных. Собственность (*dominium*) и власть (*imperium*) в Московском государстве не были отделены друг от друга. Разделение публичной и частной сферы, публичного и частного права, произошедшее в старой Европе под влиянием римского права, было не известно в России вплоть до XVIII века. В период позднего средневековья, когда в Европе пробила себе дорогу собственность на землю, московский великий князь, наоборот, упразднил бывшее аллодиальное (вотчинное) землевладение бояр и поставил владение землей в зависимость от служения государю. Лишь в 1762 году дворянство было освобожден-

дено от обязательной государственной службы, и впервые в 1785 году жалованной грамотой императрицы дворянству была предоставлена гарантия собственности на земельные владения [5].

Кроме того, государь был и крупнейшим предпринимателем. В XVI и XVII веках цари обладали почти полной монополией в оптовой торговле, в мануфактурном производстве и в горнодобывающей промышленности. Экономика значительно позже и в значительно меньшей степени, чем в старой Европе, освободилась от протекции государства. Также и в период быстрой индустриализации перед Первой мировой войной государство по-прежнему оставалось главным действующим лицом в экономике как предприниматель и как защитник и распределитель субсидий и лицензий. Нигде в Европе государство не играло в начале XX века столь доминирующей роли в экономике, как в России. При этом ему вовсе не нужно было бороться с желавшими большей самостоятельности промышленностью и предпринимательством. Наоборот, русская экономика успешно использовала надежное прикрытие государства [8].

Зародившееся городское среднее сословие оставалось численно незначительным вплоть до Первой мировой войны. 80% российского населения по-прежнему составляло крестьянство, еще со средних веков жившее в общине, не знакомой с частной собственностью на землю и производительным капиталом. Русская деревня основывалась исключительно на общественной собственности, она не знала индивидуальной собственности, ибо движимая собственность была владением жившей на дворе семьи. Эта деревенская культура, в которой инициатива отдельного индивида принципиально ограничивалась, также повинна в том, что ментальность собственника вплоть до настоящего времени осталась недоразвитой. В России «воруют», констатировал Н. Карамзин. Если все принадлежит всем и тем самым ничто никому, то присвоение и потеря — всего лишь временные явления, которые гораздо меньше значат, чем в обществе, где частная собственность — основа и цель хозяйствования и общественного порядка, как, к примеру, в американском обществе. Русская деревня жила за счет включения индивидуума в общину, и опиралась на этику справедливости, где высшей ценностью считалось равенство³.

Российская политическая культура облегчила большевикам уничтожение частной собственности и отчуждение всего народного имущества в свою пользу после 1917 года. Стремление к прибыли, материальному богатству и уход из общины наталкивались на широкий фронт недоверия и неприятия еще до 1917 года. Этот фронт простирался от государственной бюрократии, Православной церкви и вплоть до революционной интеллигенции. Православная церковь, которая, кстати, не смогла создать убедительного социального учения, также готовила плодотворную почву для антикапиталистических настроений. Она отрицала материалистическое капиталистическое общество и в данном отношении смыкалась с культурным авангардом, ожидавшим гибели «буржуазной» цивилизации и уповавшим на это. Надежды воплотились в жизнь еще до того, как успело сформироваться буржуазное общество. После Октября 1917 года выделившиеся крестьяне были возвращены в общину.

Коммунистическое государство понимало себя как мировоззренческое государство, претендовавшее не только на регулирование всех социальных отношений. Оно предписывало также убеждения и ценности, оно *внушало смысл жизни*. Правда, Российское государство до 1917 года не предъявляло таких далеко идущих тоталитарных претензий, но и оно было весьма далеко от мировоззренческой терпимости, которая с XVIII столетия пробила себе дорогу в старой Европе и в Северной Америке. До 1905 года выход из Православной церкви был запрещен законом, да и после 1905 года российское законодательство не предусматривало возможности не принадлежать ни к какому религиозному объединению. Таким

³ Краткое и впечатляющее изображение крестьянского мира в дореволюционной и советской России см. [15, р. 91; 17].

образом, коммунистическая попытка принудительной атеизации была лишь извращенным продолжением прежней политики. Экспроприация, изгнание предпринимателей, ликвидация банков большевиками не натолкнулись на сильное сопротивление. Ведь они апеллировали к коллективной памяти о прошлых днях, когда земля, города и деревни, полезные ископаемые и фабрики принадлежали справедливо распределявшему их государю, а не беспощадному, заинтересованному лишь в личной выгоде капиталисту.

Социологический опрос, проведенный на Западе в 1950—1951 годах среди беженцев из Советского Союза, подтвердил гипотезу о позитивном восприятии государственной формы собственности. Характерно, что даже люди, отрицательно относившиеся к советской системе, положительно оценивали государственную плановую экономику и государственную собственность на тяжелую промышленность, на системы транспорта и коммуникаций. Опрошенные одобряли социалистическое благотворительное государство с его обширным социальным обеспечением и с вмешательством в жизнь каждого отдельного человека. Правда, наблюдалось значительно меньшее одобрение государственной монополии в области производства и распределения предметов потребления. Колхозная система в сельском хозяйстве была откровенно отвергнута [18].

Еще через одно поколение при опросе переселенцев из Советского Союза в Израиле результаты предыдущих социологических исследований в основном подтвердились. Выходцы из России и в 1970 году ожидали от государства значительно более активной роли в экономике и обществе, чем это обычно наблюдается в западных странах. Государственная собственность на крупную промышленность в основном одобрялась, в то время как, по мнению опрошенных, следовало бы предоставить больше места частной инициативе в производстве предметов потребления, в сфере услуг и в сельском хозяйстве. Как это уже было в позднее сталинское время, и в 1970-х годах бывшие советские граждане считали период новой экономической политики (нэп) 1920-х годов своего рода золотым веком. С нэпом у них ассоциировались успехи частной инициативы в рамках преимущественно государственной формы собственности [8, р. 99].

Что же следует из этого для настоящего и для возможного развития в будущем? После развала старого строя возникшая система лучше всего поддается описанию как «слабое государство и слабое общество» [19]. Тем не менее можно констатировать наличие двух тенденций:

1. Аналогично тому, что наблюдалось на рубеже веков, общественный перелом пробудил в русском обществе силы самоорганизации. В Центре и в провинции формируются группы по интересам, профессиональные корпорации, промышленные, сельскохозяйственные лобби или же лобби средств массовой информации, национальные движения, религиозные организации и многое другое. Эта общественная активность опирается в данный момент на более прочный социальный фундамент, чем в начале века, поскольку общество преобразилось в результате урбанизации и резкого подъема образовательного уровня. Тем самым была создана база для появления среднего слоя.

2. По-прежнему слишком большие ожидания возлагаются на сильное государство. В период ослабления государства все громче раздаются голоса тех, кто требует сильного государства. Значительная часть общества готова смириться с авторитарной государственной властью, более того, такая власть рассматривается как предпосылка для восстановления порядка и безопасности.

Российское государство, судя по всему, не готово ограничить свое влияние в области экономики лишь установлением политических рамок и взиманием налогов. Не только ретроградная оппозиция, но и правительство исходят из того, что «по мере углубления экономических реформ и по мере развития предпринимательства все более очевидной станет необходимость государственного регулирования предпринимательской деятельности» [20]. Это напоминает старую риторику, согласно которой по мере углубления социализма будет возрастать роль КПСС.

Единение и раскол

В России сформировалась политическая культура *единения* (единогласия). Единение не является результатом свободного волевого решения: оно не обязательно должно достигаться на основе добровольности. Оно — результат принуждения и (как в деревенской общине) достигается под угрозой санкций. Нередко оно гарантировано и реализуемо институционально, как демократический централизм в рамках советской системы. В России отсутствует либеральная культура споров, являющаяся залогом демократического парламентаризма на Западе. Конфликты имеют тенденцию приводить к расколу, к противостоянию и к прекращению общения.

Один из корней культуры единения — крестьянская община, в которой большая часть населения проживала вплоть до конца 1920-х годов. В этом крестьянском мире, предоставленном себе самому, важные для каждого отдельного человека решения принимались на сходе, собрании глав семей. Достижение единогласия было предпосылкой дальнейшего существования крестьянской общины. Как только решение было принято, расколы и отклонения становились непозволительны, так же как и обращение с обжалованием куда-нибудь за пределы общины. Деревенское самоуправление принимало свои решения на основании местного, весьма различного обычного права, а не на основании писанных законов; это происходило неформально, а не посредством установленной процедуры, поддающейся опротестованию в судебном порядке. Личный авторитет какого-либо главы семейства имел больший вес, чем формальное голосование.

Крестьянский идеал единогласия, единения нашел свое соответствие в богословии славянофилов середины XIX века, которые в центр своего представления о Церкви поставили *соборность*. Согласно этому, догматические учения и формы благочестия Церкви лишь тогда являются законными и действительными, когда принимаются и поддерживаются большинством верующих. Соборность — выше учреждений и процедур⁴.

Следовательно, идеология большевиков основывалась на уже готовом фундаменте. Разумеется, новые господа наполнили старые меха новым содержанием, но они выиграли от того, что эти устои уже существовали. Учение о единстве воли личности и коллектива, о единстве КПСС и народа, об идентичности интересов Советского Союза и мировой революции — все это основывалось на том, что интересы и ценности отдельной личности подчиняются интересам и ценностям коллектива и что частные интересы отдельного человека растворяются во всеобщем единстве.

Но разве идеал единогласия не противоречит идеалу самодержавия, согласно которому политическая воля исходит из одного центра? Ведь политические решения, по крайней мере в принципе, достигаются путем *согласия всех*, и в то же время государь решает все *самостоятельно*. В действительности же эти принципы оказались взаимодополняемыми, а не противоречащими друг другу. В условиях коммунистической диктатуры вождь КПСС объявлял себя носителем и рупором единства. На фоне русской политической культуры добиться этого было легче, чем на фоне, скажем, англосаксонской политической культуры, характеризующейся перманентным сосуществованием различных позиций и интересов, необходимостью постоянных поисков баланса и компромисса, причем достигнутый компромисс не должен привести к исчезновению исходных позиций. Сочетание принципа единения с принципом вождизма придало советской власти, особенно в условиях войны и кризисов, чрезвычайную силу.

Русская история показала, что культура единения способна добиться больших успехов, однако она содержит в себе также и опасность внезапных крушений, ибо чрезвычайно трудно своевременно ощутить и зафиксировать длительный (растянутый во времени) процесс *распадения единства* и тем самым предотвратить

⁴ О возобновлении употребления понятия «соборность» в современном политическом обиходе см [21]

перерождение системы. В этом отношении культура конфликта в открытом обществе превосходит культуру единения. Но западная культура конфликта имеет свои границы, ибо при всей своей либеральности не может предложить общей смысловой базы при открытом разрешении конфликтов и поэтому находится под угрозой раздробленности и внутреннего разложения.

Унаследованная культура единения — важнейшая причина того, что политические партии в России не выходят за пределы начальной стадии зарождения. В ближайшем будущем не приходится надеяться на формирование стабильного спектра различных по своим программам партий. Политические организации, смысл существования которых состоит в оспаривании власти друг у друга, но которые вовсе не являются непримиримыми врагами и, возможно, завтра даже заключат друг с другом коалицию, противоречат политической исторической традиции общества, ориентированного на отношения типа «или-или», «друг или враг». Политический инстинкт удержал Б. Ельцина от того, чтобы связать свою судьбу с какой-либо одной партией. Принадлежность к какой-либо партии в современной России может, скорее, помешать политику, поскольку в глазах избирателей он тем самым становится представителем партикулярных, т. е. «узкопартийных» интересов, а вовсе не интересов государства и народа.

Единение и соборность — это идеалы, которые никогда не удавалось осуществить полностью, но которые в определенные времена и в определенных рамках все же помогали России достичь большой сплоченности и придать ей силы. Вместе с тем реальные конфликты не разрешались, а углублялись, приводили к *расколам* и к возникновению непреодолимых пропастей в обществе и в государстве. Начиная с XVI века история России — это история обособления и отсутствия общения социальных групп внутри страны. Причем речь вовсе не идет о маргиналах. С 1650-х годов значительная часть населения отказалась следовать предписанной сверху церковной реформе. Староверы не только были исключены из государства и общества, но и сами порвали с ними. Богопомазанный царь воспринимался некоторыми группами староверов как Антихрист, которому не только не следовало повиноваться, но даже надлежало оказывать сопротивление. Обратная сторона политической культуры единения — постоянный *поиск врага*, обнаружение заговоров, участники которых объявляются виновниками неуспеха политики, ориентированной на достижение абсолютного (а не возможного, относительного) результата.

Реальность и сознание раскола сказываются в России и по сей день, они определяют ход политических дискуссий. Некоторые политики и публицисты эксплуатируют страх перед расколотым обществом и рисуют апокалиптические картины общества, которое само загонит себя в пропасть расколом и гражданской войной. Все призывают народ перед лицом раскола встать на свою сторону, чтобы преодолеть его новым единством. Вместе с тем до сих пор отсутствует демократический консенсус, который принимал бы статус кво в том виде, в каком он сложился с 1991 года, признавал бы демократические выборы как единственно допустимое средство приобретения легитимности и отвергал бы приемлемость насилия для преодоления политических разногласий.

В данный момент российское общество раздирается глубокими противоречиями, но оно почти не смогло развить механизмов для открытого разрешения конфликтов. Политический жаргон отличают агрессивность, безответственные преувеличения и взрывы ненависти, политический *противник* превращается во *врага*.

Лица и учреждения

В политической культуре России личности играют центральную, а учреждения — периферийную роль. В центре власти всегда стояла какая-либо *личность*. Эта главная черта политической культуры оказалась удивительно стабильной, пережив смену различных институций: от царства/империи вплоть до боль-

шевистского вождизма и демократического президентского правления. Ориентация на личность правителя пронизывала всю политическую систему и в большой степени определяла жизненные условия многих. Основная часть крестьянского населения — за пределами общинных рамок — вплоть до начала XX столетия оказывала доверие и признавала легитимность личности царя, а не имперских учреждений. Опираясь на этот опыт, большевики постоянно требовали соблюдать лояльность по отношению к соответствующему вождю. Российская традиция позволяла им весьма туманно определять и изменять институциональную форму поста вождя: решающей всегда была реальная *власть*, а не *учреждения*, к которым эта власть была прикреплена. Ленин был председателем Совета Народных Комиссаров. Должность генерального секретаря большевистской партии первоначально играла второстепенную роль. Сталин превратил ее в центральный институт своего восхождения и своей диктатуры, но с 1934 года он больше не пользовался титулом генерального секретаря. После его смерти функция генерального секретаря стала, вне сомнений, самой важной — вначале в варианте первого секретаря, а затем, с 1966 года — генерального секретаря. Глава правительства (председатель Совета Министров СССР) подчинялся генеральному секретарю ЦК КПСС. М. Горбачев непосредственно перед распадом советской системы учредил в качестве центрального института власти для вождя должность президента.

Реальная власть регулировалась не на основании формальных бюрократических процедур, а, скорее, неформальным путем, в зависимости от конкретного лица. Правила игры складывались на основании *обычного права*; правовой контроль не был предусмотрен. Неотъемлемым элементом правления и управления в царской России были отношения между патроном и клиентелой, а также связи, позволявшие патрону создавать себе сеть преданных и зависимых от него исполнителей. До невиданных высот процесс деинституционализации власти довели большевики. Непроницаемость, произвол и непредсказуемость были главными особенностями НКВД. Объем компетенции и ответственности аппарата КПСС не был зафиксирован ни в одном законе. Все входило в сферу его ведения, но он не мог быть юридически привлечен к ответственности. КПСС подчинила себе государство, ее вождь являлся обладателем власти, но отсутствовал закон о КПСС, не говоря уже о генеральном секретаре и его полномочиях. И Красная, и потом Советская армия существовали без законодательной основы. Неформальные взаимоотношения, связи между патроном и клиентелой подменяли функции бюрократии, подчиняющейся четким процедурным правилам. Кумовство и коррупция были не только неизбежными последствиями, но и одним из *факторов стабильности*.

Поэтому не удивительно, что после крушения советской системы возникла как бы институциональная пустота. Отсутствуют не только политические партии, но и профсоюзы и союзы работодателей. Не существует ни правящей коалиции, ни парламентской оппозиции. Многочисленные организации, правда, носят эти названия, но по самооценке и по занимаемому положению в политической системе радикально отличаются от соответствующих институций западной парламентско-демократической системы. Именно наличие институциональной пустоты провоцирует потребность в старых, проверенных связях с целью достижения минимума стабильности. Борьба за власть ведется, по сути дела, не с целью занятия определенных постов в эстаблированных учреждениях. Учреждения являются, скорее, средством. Они используются как рычаги, чтобы обеспечить определенным лицам и их протекции власть и влияние. Учреждения пребывают в *полуготовом*, поддающемся формированию состоянии и служат определенным кругам в качестве ступеней для достижения своей цели. Если учесть упомянутую выше потребность в единстве, понятными становятся многие особенности, наблюдаемые в нынешнем российском государственном руководстве.

Политические партии обладают ограниченным весом; их фракции в Думе редко голосуют сплоченно. Во многих фракциях имеются к тому же и бес-

партийные члены. Некоторые фракции Думы созыва 1993—1995 годов (Союз 12 декабря, Новая региональная политика) вообще возникли не как политические партии, а как объединения беспартийных депутатов. В Совете Федерации, где каждый субъект федерации представлен двумя депутатами,— из 171 депутата лишь 24 принадлежали в 1994 году к какой-либо политической партии [22]. Также и другие учреждения, играющие центральную роль в объединении и представительстве интересов в западных системах, такие как профсоюзы или союзы работодателей, либо отсутствуют в России, либо выполняют другие функции. Рабочие и работодатели, вернее, директора предприятий, выступают, как правило, не как контрагенты, а совместно, как представители государственной или полугосударственной промышленности и сельского хозяйства. Основанный летом 1992 года Гражданский союз, в центре которого находился Российский союз промышленников и предпринимателей, получил активную поддержку от федерации независимых профсоюзов России — бывшего коммунистического профсоюза [23].

Даже разделение власти на исполнительную и законодательную наталкивается на сопротивление. Еще менее для исторической памяти общества приемлема идея независимого правосудия и осуществление принципа правового государства (правовое государство означает возможность вносить поправки в осуществление власти лицами с помощью законов и процедур). Отделение *юстиции* от *администрации* произошло в Российской Империи весьма поздно, лишь во второй половине XIX века; да и после этого разделение оставалось не полным. И хотя в России с 1864 года было введено судоустройство, либеральное и передовое для своего времени, даже в сравнении с Западной Европой, но и к 1917 году все еще не был принят систематизированный, современный гражданский и уголовный кодекс. В царской России власть осуществляли «не учреждения, а люди» [6, p. 82].

Поэтому большевикам не составляло особого труда не только фактически устранить начатки правового государства, но и теоретически обосновывать это идеологией права как инструмента классово-борьбы. В сталинское время невозможно было ссылаться на права и законы, они просто не действовали. Начиная с 1960-х годов, диссиденты и правозащитники начали требовать соблюдения социалистических законов и внесли тем самым свою лепту в гибель советской системы. Но до сих пор в политической элите и в обществе весьма слабо развито сознание необходимости независимой, стоящей над другими правовой сферы. Напротив, широко распространены сознательные и отчасти бессознательные представления, будто политика выше права; это касается как действующих политиков, так и граждан, которых эти действия затрагивают.

При слабости учреждений и лабильности правового сознания остается только по-старинке уповать на личности. Это проявляется и в поведении избирателей. Большими шансами на успех в ходе выборов пользуются два типа кандидатов: обладатели высоких постов в бюрократии и экономике, а также их антиподы, т. е. демагоги, харизматические лидеры, еще вчера никому не известные. В этом опять проявляется раскол русского общества.

Отказ от прошлого?

Такие переломные времена, как нынешнее, оказывают значительно более глубокое влияние на формирование политической ментальности, чем периоды «застоя». Исторические образцы могут быть преодолены, в долгосрочной памяти общества можно проложить новые борозды. По оценке главы партии Демократический выбор России Е. Гайдара, страна стоит перед альтернативой либо продолжать хранить верность «старой имперско-бюрократической псевдовеликодержавной традиции» или же предпринять радикальные шаги на пути к сближению с Западом, с Европой [24].

Совершит ли Россия радикальный разрыв с собственным прошлым? Сегодня нет никакой «русской мечты», т. е. видения будущего, с которым могли бы

согласиться широкие слои общества, наподобие того, как утопия об «американской мечте» сформировала ментальность американского общества. Раскол русского общества не преодолен. Казалось, антибольшевистский консенсус в короткий период между 1989-м и 1991 годами свидетельствовал о старте к новым берегам. Но после неожиданно быстрого крушения старого режима разрушился и консенсус. С тех пор духовный климат характеризуется отсутствием ориентиров, и с силой проявляются старые противоречия: должна ли Россия искать путь из кризиса в тесном сотрудничестве с Европой или, может быть, наоборот, общество требует, чтобы Россия развивала свою самобытность и собственный духовный и политический космос, дистанцируясь от Запада?

Многое говорит в пользу того, что Россия откажется от такого «выбора» и не решится ни на одно, ни на другое. Никто не выступает за восстановление ценностей и реалий позднего социализма эпохи Брежнева. Прозападное развитие России не находит, однако, отклика большинства.

Есть область, где все же намечаются изменения, означающие глубокий перелом в вековой традиции: Россия перестает быть централизованным государством, в котором все политические решения принимаются в Центре, а исполняются на периферии. Современное дифференцированное, производительное общество не поддается руководству из Центра. Регионализация России, с одной стороны, диктуется потребностью в более эффективной экономике и администрации, с другой — она связана с крахом крайне централизованного государства до и тем более после 1917 года. Многое свидетельствует в пользу того, что развитие региональной самостоятельности и регионального самосознания, начавшееся с конца 1980-х годов, стало необратимым и что оно приведет к радикальным переменам в стране. Во многих регионах формируются элиты, политическое кредо которых состоит прежде всего в преследовании местных интересов.

Политическая власть, а также формулирование общественных интересов уже сегодня находятся в большой степени в руках ведущих региональных политиков. Они обладают большим весом, чем политические партии. Эта тенденция предположительно будет развиваться и впредь. Должностные лица в регионах — в исполнительных органах, в экономике, в законодательной власти — будут выступать как своего рода корпорация, которая будет играть центральную роль в ходе дискуссии о компетенциях, ресурсах и авторитете. Самостоятельность регионов могла бы внести значительный вклад в формирование гражданского общества, поскольку она формирует промежуточные ступеньки между центральной властью и местными учреждениями. Развитый регионализм может также выполнять защитную функцию по отношению к попыткам восстановить диктатуру Центра. Самостоятельность регионов — это еще не демократия, она не гарантирует и гладкого пути к демократии, но знаменует отход от диктатуры. Если региональное самосознание станет развиваться и впредь и будет подкреплено федеральным государственным устройством, это послужит новым элементом политической ментальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Орлов Б. Политическая культура и становление демократии в России. М., 1994.
2. Pfeiler W. Historische Rahmenbedingungen der russischen politischen Kultur // Rusßland auf dem Weg zur Democratic? Paderborn, 1993.
3. Wolff-Poweska A. Politische Kultur in der postkommunistischen Gesellschaft in Osteuropa. Gutersloh, 1993.
4. Petro N. N. Russian Democracy. An Interpretation of Political Culture. Cambridge, 1995.
5. Pipes R. Russia under the Old Regime. New York, 1974.
6. Raeff M. Understanding Imperial Russia. State and Society in the Old Regime. New York, 1984.
7. Keenan E. L. Moskovite Political Folkways // Russian Review. 1986. Vol. 45.
8. White S. Political Culture and Soviet Politics. London 1979

9. *Political Culture and Communist Studies*. Houndsmill, 1984.
10. *Ахуезер А. С.* Россия: критика исторического опыта. Вып. 1—3. М., 1991.
11. *Nitsche P.* Die Mongolenzeit und der Aufstieg Moskaus (1240—1538). Handbuch der Geschichte Rußlands. Bd. I. Stuttgart, 1981. S. 662.
12. *Keenan E. L.* On Certain Mythical Beliefs and Russian Behaviors. Russian Littoral Project, University of Maryland at College Park and the Johns Hopkins University, SAIS, 1993. №. 1. Mai.
13. *Ульянов Н.* Комплекс Филофея // Вопросы истории. 1994. № 4.
14. *Stokl G.* Das Problem der Thronfolgeordnung in Rußland // Der dynastische Fürstinstaat. Berlin, 1982.
15. *Pipes R.* The Russian Revolution. New York, 1991.
16. *Herberstein S. von.* Das alte Rubland. Zurich, 1985. S. 61.
17. *Altrichter H.* Die Bauern von Tver. Dörfer zwischen Revolution und Kollektivierung. München, 1994.
18. *Inkeles A., Bauer R. A.* The Soviet Citizen. Daily Life in a Totalitarian Society. Cambridge, 1961. P. 238—242.
19. *Lamintowicz W.* Politische Lustabilität in Ost und Mitteleuropa. Lunenpolitische Gefarungen der europäischen Sicherheit und Integration // Demokratie und Marktwirtschaft in Osteuropa. Guersloh, 1993.
20. Из меморандума правительства к проекту директивы «О лицензировании отдельных видов деятельности»//Известия. 1994. 16.08.
21. *Gussejnov G.* Materialien zu einem russischen gesellschafts-politischen Wörterbuch 1992—1993. Bremen, 1994.
22. *Schneider E.* Die russischen Parlamentswahlen 1993 und die neue Verfassung // Berichte des BIOst. 1994. № 15. S. 17.
23. *Teaque E.* Organized Labor in Russia in 1992//RFL/RL Research Report. 1993. Vol. 2. № 5.
24. *Гайдар Е.* Двуглавый орел и золотой теленок // Известия. 1994. 10.11.

Г. Симон, 1996